

УДК 94(571)

Деятельность генерал-губернаторов Восточной Сибири: закон и практика

Н. П. Матханова

Институт истории СО РАН, г. Новосибирск

Аннотация. В статье рассматривается и сопоставляется с законодательством реальный круг деятельности генерал-губернаторов Восточной Сибири. Прослеживаются различия управленческих практик между отдельными главами регионов, описывается их обычный рабочий день. Особое внимание обращается на влияние личных качеств генерал-губернаторов на их административную деятельность и повседневную жизнь.

Ключевые слова: история управления, история Восточной Сибири, генерал-губернаторы, повседневность.

История управления Россией и ее окраинами в имперский период стала в последние годы одним из наиболее интенсивно и успешно развивающихся направлений исторической науки. Но все еще недостаточно изучена роль генерал-губернаторов, специфика их положения в системе, управленческая практика, социокультурный облик, хотя в некоторых работах эти темы и освещаются [12–14; 18 и др.]. Относительно большее внимание исследователей привлекают генерал-губернаторы Восточной Сибири [7; 8; 11; 21; 28; 29 и др.].

В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть реальный круг деятельности генерал-губернаторов Восточной Сибири, сопоставить его с законодательством, проследить различия в этом отношении между отдельными «главными начальниками» края.

В основу исследования положены источники законодательного, делопроизводственного, мемуарного и эпистолярного характера. Нормативную базу, определявшую полномочия и обязанности генерал-губернатора, составляли три основных документа: «Учреждение о губерниях» (1775), «Сибирское учреждение» (1822) и «Инструкция генерал-губернаторам» (1853). За период существования генерал-губернаторства Восточной Сибири во главе его успели побывать 19 чел., но сохранились источники личного происхождения об управленческой деятельности только нескольких, а именно они наиболее информативны для освещения избранной темы. Их наличие или отсутствие во многом продиктовало более или менее подробное освещение деятельности конкретных лиц.

Законодательно зафиксированный объем должностных обязанностей генерал-губернаторов был очень широким и весьма неопределенным. Вы-

полнение всех обязанностей, как и у губернаторов, было физически невозможно, поэтому выбор того, чем реально занимались больше или меньше, был неизбежен. Применительно к губернаторам об этом писали не раз и довольно подробно [2; 22; 23; 30; 34–36 и др.]. Ситуацию усложняло и положение «главных местных начальников», неизбежно оказывавшихся между регионом и центром. На несоответствие закона и практики, обусловленное самим смыслом должности генерал-губернаторов, указывали еще знаменитые русские правоведы. А. Д. Градовский писал категорично и резко: по духу и смыслу инструкции 1853 г. должность генерал-губернатора не имела ничего общего с тем, во что они превратились на самом деле [9, с. 324]. К. Н. Соколов – несколько сдержаннее: к счастью для дела, законодательство о генерал-губернаторах отмечено характером теоретическим и несоответствием тому, что было и есть на практике [32, кн. 8, с. 54]. Соколов с одобрением привел слова С. М. Середонина: «Министр – представитель интересов дела, генерал-губернатор – интересов края» [32, кн. 8, с. 48]. В постсоветские годы А. В. Ремнев и я почти одновременно повторили и развили этот тезис: «Оптимальной являлась ситуация, когда министр представлял интересы страны, генерал-губернатор – интересы края»; «в идеале министерская власть должна была выражать интересы страны в целом, а генерал-губернаторская – региона» [20, с. 34; 27, с. 65].

Реальный круг деятельности генерал-губернаторов зависел от многих факторов: социально-экономической, внешне- и внутривнутриполитической ситуации в стране и регионе, отношений с центром и самим монархом, личных качеств. Во многом именно энергия, работоспособность, амбиции, широта кругозора, идейно-политические взгляды, добросовестность, честность, талант, вкусы, пристрастия и интересы, прочие черты характера, как и материальное и семейное положение, определяли, чем генерал-губернатор занимался более или менее обстоятельно и серьезно.

И. Л. Дамешек подчеркивала, что приоритетными были военно-политические задачи, но при этом и «административно-хозяйственная деятельность занимала» большое место «в повседневных заботах генерал-губернатора» [10, с. 227]. Наиболее типичными и почти обязательными были: составление и редактирование документов, обозрение и ревизия присутственных мест, прием посетителей, включая жителей региона. Последнее отнимало довольно много времени. В. А. Арцимович, хорошо информированный в этом вопросе, предупреждал, что «при неустройстве наших присутственных мест и недоверии жителей к правильности действий чиновников» повсеместное введение должности временных генерал-губернаторов приведет к тому, что этот деятель администрации «будет завален разными просьбами» [1, с. 462].

Сохранилось несколько описаний обычного рабочего дня генерал-губернатора. С. Б. Броневский, занимавший должность генерал-губернатора Восточной Сибири в 1834–1837 гг., сам описал его красочно и подробно: «Утро я проводил за бумагами, которые не кончил ночью. Принимал в 9 часов коменданта, дежурного по караулам, ординарцев, осматривал образцы

обмундирования и пригонку амуниции солдат, казаков, кантонистов, их отправку и проч., без этого редкое утро проходило. Полицейского и просителей, имевших дозволение явиться, принимал каждое утро и после обеда. Тут губернатор, бригадный командир, кто-нибудь из председателей (губернских органов управления. – *Н. М.*), градской глава, прокурор и жандармы... Главного управления экзекутор с рапортом о благополучии и с кучей полученных конвертов из военного штаба моего адъютанта. С тем же и начальников отделений (Главного управления Восточной Сибири. – *Н. М.*) с докладами. Выслушав всех, дав письменные резолюции и подписав бумаги, в дни, когда собирается совет, отправлялся туда или посещал заведения, предпочтительно больницу, госпиталь, острог и баталион кантонистов или бывал у фронта какой-нибудь части, находя приятность ходить пешком, я колесил по городу всякий день. ... После обеда в 2 часа отдыхал часа полтора. Бывали просители опять. За этим следовала прогулка пешком или верхом до ночи, которую сидел до 2–3 часов, иногда и позже, почитал это время удобнейшим, потому, что был один и никто мне не мешал» (в книге Ю. В. Братюшенко [3], по которой приводятся воспоминания Броневского [4], они широко используются и цитируются). По собственному признанию, он вынужден был лично заниматься рассмотрением и решением дел. При этом «громада дел вступающих, отчеты правительству по многочисленным формам засаживали меня слишком надолго к бумажным занятиям» [3, с. 201–202].

Прекрасно знавший все реалии чиновничьей жизни В. И. Вагин писал о сравнительно малой обремененности службой чиновников при Руперте: «По утрам... час или два проводили в разговорах <...> Занятия оканчивались в час, редко позже, вечерние занятия были редки» [21, с. 126].

При Муравьеве не только чиновники, но и сам он много работал. «Деятельность его – отмечал В. И. Вагин, – была необычайна. С 6 часов утра уже начинались занятия, и к этому времени должен был явиться дежурный чиновник» [5, с. 268]. Иркутский исправник И. В. Ефимов уточнял, что он являлся с делами в 8 утра, когда Муравьев еще брился, т. е. до начала официального приема [21, с. 226]. «Занятия», в данном случае – пресловутая «работа с бумагами», занимали львиную долю времени любого, даже высокопоставленного чиновника. М. С. Корсаков, описывая родителям в 1849 г. обычный распорядок дня Муравьева, сообщал, что четыре раза в неделю – по вторникам, средам, пятницам и субботам – он проводит прием, обычно в 12 часов, на который с просьбами и жалобами являются разные лица, больше простой народ [15]. «С самого своего приезда, – вспоминал и Вагин, – он открыл всем свободный до себя доступ, в его приемной всегда можно было найти много крестьян и вообще простого народа, с самыми разнообразными просьбами» [5, с. 267–268]. Пренебрежительно относясь ко всякого рода «канцеляршине», Муравьев нередко решал во время таких приемов важные и насущные вопросы.

Рабочий день Корсакова в бытность его генерал-губернатором складывался, по его словам, следующим образом: «Утром как встанешь, так до обеда в 4 часа и даже до вечернего чая с рук на руки меня передают, так что

совсем ослабеешь от множества разных лиц, с которыми все говоришь большею частью о делах» (письмо к матери, 31 янв. 1864 г.) [21, с. 347].

Преданный Синельникову его подчиненный писал, что этот генерал-губернатор «сделал распоряжение, что он принимает просителей во всякие часы дня и ночи» [33, с. 154]. Другой сибирский чиновник вспоминал, что Синельников каждое утро принимал просьбы, большую часть которых решал тут же [24, с. 934].

Многочисленные рапорты, отношения, записки по разным проблемам Сибири, адресованные министрам и иным высоким инстанциям, требовали немало сил и времени. Особое значение придавалось всеподданнейшим отчетам – это был канал связи непосредственно с монархом. Е. Л. Пономарева провела тщательный анализ не только самих отчетов, но и подготовительных материалов к ним, и пришла к убедительному выводу (частично опровергая высказанное мною ранее мнение), что отчеты были «плодом труда коллектива авторов» [25, с. 113]. Для раскрытия поставленной в настоящей статье темы важно наблюдение Е. Л. Пономаревой о работе над ними самого генерал-губернатора. Он ставил общую задачу, редактировал текст: «выправляет структуру предложения», «вписывает отрывки в уже готовый текст», «зачеркивает целые абзацы» и т. д. [25, с. 114].

Иногда генерал-губернаторы не ограничивались обычными отчетами, ответами на запросы петербургских ведомств, но и сами проявляли инициативу, создавали и направляли проекты различных преобразований в регионе. В таком случае их роль могла не ограничиваться руководством и редактированием. Муравьев некоторые важные документы писал сам, собственной рукой, это было отмечено современниками. Синельников также вспоминал, что «в сношениях... с высшими правительственными лицами» все писалось им собственноручно [31, № 7, с. 44].

Все генерал-губернаторы должны были по долгу службы регулярно объезжать губернии, ревизовать губернские и даже окружные присутственные места, а как главы военного управления – и расположенные в регионе воинские части. Бронеvский замечал: «Занятия мои главнейше заключались в осмотре заведений военных и гражданских» [3, с. 179]. Здесь нет противоречия с характеристикой его обычного дня: в одном случае речь идет о времени, которое тратилось на то или иное занятие, в другом – о значении, которое ему придавали сам автор и его начальство. В данном случае речь идет не об особенностях, а об общем в деятельности генерал-губернаторов Восточной Сибири. Все они посещали, и не по разу, многие предприятия. Муравьев в первые годы и Синельников постоянно особенно много внимания уделяли ревизиям, которые сопровождались борьбой с злоупотреблениями, расправами и наказаниями. Во время поездок на каждой станции их осаждали толпы, они творили суд и расправу [24, с. 935].

На практике, как отмечает вслед за А. Д. Градовским и К. Н. Соколовым Л. М. Лысенко, генерал-губернаторы не ограничивались главной своей функцией – надзором и «активно вмешивались (в ущерб самостоятельности

губернаторов) в управление на губернском, а порой и на уездном уровне» [18, с. 174].

Огромная территория и отдаленность региона, а все генерал-губернаторы должны были регулярно бывать в Петербурге, делали дальние поездки заметной частью их работы. На практике в этом отношении имелись существенные различия. Руперт осматривал и Енисейскую, и Иркутскую губернию, включая Забайкалье и даже Якутскую область. Муравьев, как известно, особенно много ездил по всей Восточной Сибири, несколько раз посетил и Камчатку, и Якутию, а с 1854 г. почти ежегодно бывал на Амуре и Дальнем Востоке. Синельников посетил Дальний Восток лишь однажды, но и пробыл он в своей должности всего три года. По подсчетам М. И. Венюкова, за время сибирской службы он «изъездил» почти 120 тыс. верст [21, с. 231]. Корсаков в должности генерал-губернатора регулярно бывал и на Амуре, и в Петербурге. П. А. Фредерикс в 1875 г. ездил в Приморскую область и в 1876 г. – в Троицкосавск.

Среди обязательных дел генерал-губернаторы выделяли какие-то особо важные или приоритетные. Для Броневского и Руперта это была организация вооруженных сил и путей сообщения. Для Муравьева в первый период его управления это были административные преобразования и социально-экономические меры, а с начала 1850-х и до конца – «амурский вопрос», т. е. присоединение и начало освоения Амурского края. Муравьев серьезно и много занимался внешнеполитическими вопросами, причем не только отношениями с Китаем, но и организацией обороны накануне Крымской войны, планами внешней торговли с Соединенными Штатами через дальневосточные порты и Амур. Первым из глав сибирской администрации он посетил в 1859 г. Японию. Корсаков считал главной задачей достойно продолжить и завершить начатое его родственником и покровителем – Н. Н. Муравьевым-Амурским, которого он искренне считал гением. Практически большую часть времени и сил он тратил на переписку с центральными ведомствами, оправдываясь от обвинений в попустительстве политическим ссыльным (вызваны были бегством Бакунина), от упреков в нерациональном расходовании средств на Амур. Большое значение он также придавал народному образованию и просвещению, пытался добиться распространения на регион реформ 1860-х гг. Синельников особое внимание уделял управлению ссыльными и использованию их для строительства дорог и на иные цели [31, № 6, с. 700–701], что соответствовало и опыту прежней управленческой деятельности.

Бывало, что генерал-губернаторы с вдохновением, горячо и энергично занимались тем, что вовсе не входило в их обязанности, порой даже вызывало недовольство вышестоящих лиц. Руперт ставил себе в особую заслугу «учреждение» и содержание на собственные средства учебного заведения «вроде военной школы», где подпрапорщики и вольноопределяющиеся, служившие в сибирских линейных батальонах, готовились к экзамену для производства в офицеры. За пять лет существования школы, учрежденной в 1839 г., 18 чел. из 31 обучавшихся были произведены в офицеры [16,

л. 99об–100]. Муравьев, стремившийся расширить свои полномочия, добивался передачи ему части внешнеполитических функций. Синельников составлял и публиковал «циркуляры о своих распоряжениях в крае», рассылал их «по начальствующим лицам», включая «сельские и станичные правления». В них он оглашал «беспорядки и злоупотребления», открытые командированными им чиновниками [31, № 7, с. 29, 30]. Особенно он прославился и запомнился борьбой с «темными поборами».

Все генерал-губернаторы в той или иной мере содействовали в духе времени благотворительным и просветительным начинаниям: Руперт – открытию Девичьего института Восточной Сибири, Муравьев – созданию Сибирского отдела Географического общества, Синельников – появлению Воспитательного дома, Анучин – строительству Музея ИРГО. В статье А. А. Кузнецова охарактеризована роль разных генерал-губернаторов в судьбе иркутского театра: решение открыть его принял Муравьев, новое здание было выстроено купцами по инициативе Синельникова, он же утвердил особую инструкцию, по которой был создан управлявший театром комитет, П. А. Фредерикс переработал инструкцию и несколько раз переменял директоров [17].

«Главные местные начальники» должны были возглавлять местное общество и реально это осуществляли. Но каждый имел собственное излюбленное занятие.

Броневский очень любил музыку и всячески способствовал ее популяризации в Иркутске [3, с. 171–176]. У Рупертов, по воспоминаниям Вагина, «зимою, по четвергам... бывали вечера; в торжественные дни – официальные обеды; праздновались также дни рождения и именин жены и дочерей» [6, с. 460]. Л. Ф. Львов вспоминал: «Генерал-губернатор Руперт очень часто устраивал у себя музыкальные вечера» и «домашние спектакли» [19, № 4, с. 541, 542]. Муравьев, как сказано в дневнике преподавательницы Девичьего института В. П. Быковой, «сам дает балы, устраивает клубы, где собираются лишь затем, чтобы пить и играть в азартные игры, хотя сам он никогда не играет». Особое возмущение у нее вызвали «заведенные» им «вольные маскарады», на которых генерал-губернатор «танцует рядом с лакеями и горничными, приглашает к себе актрис и воображает себя “демократом”» [21, с. 235]. Корсаков, кроме обычных балов, приемов, карточной игры, театра, покровительствовал так называемым семейным вечерам, куда дамы приезжали не в бальных, а в обычных нарядах, и главным развлечением была музыка. Самой же любимой его затеей стала дача «Звездочка» – заместитель далекого родного имения [21, с. 348–349]. Синельников инициировал создание бульвара на берегу Ангары, строительство нового здания для Благородного собрания [31, № 6, с. 699].

Таким образом, круг деятельности генерал-губернаторов может быть разделен на три сегмента. В первый входило то, что они должны были делать и в действительности делали. Во второй – то, что им следовало делать по должности, но чем на практике они занимались в малой мере. И в третий – то, на что тратилось гораздо больше сил и времени, чем это полагалось.

Список литературы

1. [Арцимович В. А.] Записка В. А. Арцимовича о предполагаемом учреждении генерал-губернаторств // Лемке М. К. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». По неизданным документам. – СПб., 1908. – С. 456–467.
2. Бикташева А. Н. Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX в. / А. Н. Бикташева. – М. : Хронограф, 2012. – 480 с.
3. Братющенко Ю. В. Генерал-губернатор Восточной Сибири С. Б. Броневский и его «Записки» / Ю. В. Братющенко. – Иркутск : Земля Иркутская, 2008. – 424 с.
4. Броневский С. Б. Записки // РНБ. Ф. Ф. IV. Д. 698.
5. Вагин В. И. К биографии графа Н. Н. Муравьева-Амурского // Граф Н. Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников. Сер. История Сибири. Первоисточники / изд. подг. Н. П. Матхановой. – Новосибирск, 1998. – Вып. 8. – С. 265–280.
6. Вагин В. И. Сороковые года в Иркутске // Записки иркутских жителей / коммент. М. Д. Сергеева. – Иркутск, 1990. – С. 449–482.
7. Гимельштейн А. В. Генерал-губернаторский корпус Восточной Сибири. Компетентия и социология власти // Россия и Сибирь. Проблемы взаимодействия в региональной политике в исторической ретроспективе. – Иркутск, 2004. – Ч. 1. – С. 53–73.
8. Господин главный начальник края. История Восточно-Сибирского и Иркутского генерал-губернаторств / И. П. Белоус, Л. М. Дамешек, В. К. Пешкова, Р. В. Подгайченко. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2013. – 102 с.
9. Градовский А. Д. Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России // Градовский А. Д. Собр. соч. – СПб., 1899. – Т. 1. – С. 299–338.
10. Дамешек И. Л. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX в.) / И. Л. Дамешек. – Иркутск : Отгиск, 2005. – 264 с.
11. Дамешек Л. М. Генерал-губернаторский корпус Сибири: социальный портрет Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. История. – 2014. – № 5 (31). – С. 4–10.
12. Злобин Ю. П. Социокультурная характеристика генерал-губернаторского корпуса России в XIX – начале XX в. // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. – 2013. – № 7 (156). – С. 37–44.
13. Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. В 2 т. Т. 1 / науч. ред. Д. И. Луковская, Д. И. Раскин. – СПб., 2001. – 456 с.
14. Климова Л. В. Взаимодействие генерал-губернаторов с центральными и местными органами управления во второй половине XIX в. // Наше Отечество. Страницы истории. – М., 2009. – Вып. 7. – С. 18–29.
15. [Корсаков М. С.] Письмо С. Н. Корсаковой // ОР РГБ. Ф. 137. Карт. 37. Д. 15.
16. Краткий отчет генерал-губернатора Восточной Сибири за управление с 1838 по 1845 г. // РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1853. Ст. 282/16. Л. 99об–100.
17. Кузнецов А. А. Иркутский театр и генерал-губернаторы Восточной Сибири Н. П. Синельников и П. А. Фридерикс: сотрудничество и контроль // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. – 2012. – № 2 (3), ч. 1. – С. 204–209.
18. Лысенко Л. М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX в.) / Л. М. Лысенко. – М., 2001. – 357 с.
19. [Львов Л. Ф.] Из воспоминаний Леонида Федоровича Львова // РА. 1885. Кн. 1, № 1. С. 43–53; № 2, С. 218–226; № 3, С. 347–365; Кн. 2, № 4, С. 541–551.
20. Матханова Н. П. Генерал-губернатор в системе управления Российской империи: закон и практика (на примере Восточной Сибири середины XIX в.) // Про-

блемы истории местного управления Сибири XVII–XX вв. : тез. регион. науч. конф. – Новосибирск, 1996. – С. 33–36.

21. *Матханова Н. П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX в.: В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков / Н. П. Матханова. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1998. – 428 с.

22. *Матханова Н. П.* Губернаторский корпус Восточной Сибири в середине XIX в. // Гуманит. науки в Сибири. Сер. Отечеств. история. – Новосибирск, 1996. – № 2. – С. 3–9.

23. *Матханова Н. П.* Полномочия губернатора в середине XIX в. Региональная специфика // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории : тез. всерос. науч. конф. 3–4 марта 1998 г. – Новосибирск, 1998. – С. 50–53.

24. *Падерин А. М.* Записки сибиряка // ИВ. – 1898. – № 9. – С. 925–937.

25. *Пономарева Е. Л.* Всеподданнейшие отчеты генерал-губернаторов как источник по истории Восточной Сибири (50–80-е гг. XIX в.) // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2008. – № 4/1. – С. 112–115.

26. *Пономарева Е. Л.* Ситуационный анализ истории Восточной Сибири генерал-губернаторами в 50-х – начале 80-х гг. XIX в. (по материалам отчетов генерал-губернаторов) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. Л. Пономарева. – Улан-Удэ, 2009. – 23 с.

27. *Ремнев А. В.* Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX в.). – М., 1997. – С. 52–66.

28. *Ремнев А. В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. / А. В. Ремнев. – Омск : Ом. гос. ун-т, 1995. – 237 с.

29. *Ремнев А. В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX в. / А. В. Ремнев. – Омск : Ом. гос. ун-т, 1997. – 252 с.

30. *Роббинс Р.* Сатрапы? Вице-короли? Губернаторы // Родина. – 1995. – № 6. – С. 28–30.

31. [Синельников Н. П.] Записки сенатора Синельникова // ИВ. – 1895. – № 1. – С. 39–75; № 2. – С. 380–397; № 3. – С. 721–736; № 4. – С. 45–57; № 5. – С. 373–387; № 6. – С. 693–711; № 7. – С. 27–46.

32. *Соколов К. Н.* Очерк истории и современного значения генерал-губернатора // Вестник права. – 1903. – Кн. 7. – С. 110–179; кн. 8. – С. 39–76.

33. *Суворов П. П.* Записки о прошлом / П. П. Суворов. – М., 1898. – 300 с.

34. *Шумилов М. М.* Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX в. / М. М. Шумилов. – М., 1991. – 218 с.

35. *Robbins R. jr.* The Tsar's Viceroyes // Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire. – 1987. – 272 p.

36. *Wissman N. B.* Reform in Tsarist Russia. The State Bureaucracy and Local Government, 1900 – 1914. – New Brunswick, New Jersey, 1981. – 292 p.

The Activity East Siberian Governor-Generals: Law and Practice

N. P. Matkhanova

Abstract. The article describes the actual field of activity East Siberian governor-generals. It maps to the legislation. Identified differences in managerial practices of heads

of regions, presents their usual working day. Special attention is paid to the influence the governor-general's personal qualities on the administrative activities and daily life.

Keywords: the history of administration, the history of Eastern Siberia, governor-generals, daily life.

Матханова Наталья Петровна

доктор исторических наук, профессор

Институт истории СО РАН

630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

тел.: 8(383)330-38-21

e-mail: istochnik_history@mail.ru

Matkhanova Natalya Petrovna

Doctor of Sciences (History), Professor

Institute of History SB RAS

8, Nikolayev st., Novosibirsk, 630090

tel.: (8383)330-36-71

e-mail: istochnik_history@mail.ru